

Л.Н. КРЫЛОВА
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОМЕРАНЦЕВ. ЖИЗНЬ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (ПО ДОКУМЕНТАМ ЛИЧНОГО АРХИВА)

Чрезвычайно трудно в короткой статье осветить 96-летнюю жизнь и деятельность крупного теоретика и практика музейного дела, реставрации и исследования древнерусского искусства и удивительно интересной личности - Николая Николаевича Померанцева (ил. 1).

Восьмого марта (21 марта по н. с.) 1891 г. у Николая Семеновича Померанцева и его супруги Капитолины Яковлевны (урожденной Кудрявцевой) родился сын, нареченный Николаем. Двухэтажный дом семьи Померанцевых, где и родился первенец, стоял во дворе церкви Николы в Пыжах по улице Большая Ордынка № 27. В этой церкви Н.С. Померанцев служил священником. Каким-то удивительным и таинственным образом вся жизнь семьи Померанцевых и самого будущего ученого-исследователя была связана с этой старой московской улицей¹.

Н.С. Померанцев по образованию был историком-археологом и, став священником, продолжал исследовательскую работу, изучая как памятники церковной архитектуры, так и архивные источники, связанные с древнерусским искусством. Именно отец привил маленькому Коле любовь к искусству, брал его с собой в исследовательские поездки по Подмосковию.

Однажды в архиве древних актов Н.С. Померанцев случайно встретил И.Э. Грабаря. Общие интересы - любовь к истории и искусству - сблизили этих людей. Игорь Эммануилович начал бывать в доме Померанцевых и, конечно, не мог не обратить внимания на серьезное увлечение мальчика, стал давать ему советы, что, по словам Н.Н. Померанцева, было «необычайно плодотворным и оказало большое влияние на развитие моих интересов»².

Видя неподдельный интерес сына к древнерусскому искусству, родители подарили юному гимназисту-исследователю фотоаппарат, и теперь он совершал самостоятельные обследования интересующих его памятников как в Москве, так и в Подмосковию - делал обмеры, фотографировал интересные живописные и архитектурные детали памятников.

В 1912 г. Николай Померанцев окончил Первую московскую гимназию и встал перед выбором дальнейшего жизненного пути. Он поступил в Московский университет на отделение технической химии, но одновременно все пять лет посещал вольнослушателем и филологический факультет университета. В 1917 г., закончив университет, Н.Н. Померанцев начал работать на химическом заводе Шеринга, но политические события осени 1917 г. лишили его этой работы, и в начале 1918 г. он поступил в отдел химической промышленности ВСНХ.

Вероятно, и сам молодой химик (правда, специализировавшийся в университете на исследовании пигментов и красочных составов (паст), которыми пользовались древнерусские иконописцы) решил, что жизнь навсегда увела его от юношеского увлечения. Однако все было иначе.

Николай Николаевич записал: «Интересуясь красками древних художников, я посещал открывшуюся живописную мастерскую Наркомпроса. Используя мои знания в области красок, Грабарь счел нужным поручить мне выполнение ряда работ, связанных с реставрацией произведений живописи»³. Молодой исследователь с головой ушел в эту новую деятельность, тем более что под руководством И.Э. Грабаря реставраторы начали работы по раскрытию древнерусских памятников. Результаты этих работ впечатляли: открывались первозданные памятники, раскрывался первоначальный замысел авторов, что давало новые и удивительные возможности для исследования древних раритетов.

Помимо работы в реставрационной мастерской в 1918-1920 гг. Н.Н. Померанцев выполнял задания Комиссии по учету памятников древнерусского искусства Национального музейного фонда, занимался обследованием и описанием памятников

искусства, участвовал в первых экспедициях Наркомпроса по выявлению и Учету памятников архитектуры и искусства - по старым русским городам, расположенным по берегам рек Волги, Москвы, Оки, Северной Двины, по побережью Белого моря. Об этих экспедициях и их результатах мы подробно писали, поэтому остановимся лишь на одном эпизоде.

Первая Северная экспедиция Наркомпроса была предпринята в 1920 г., вскоре после освобождения Архангельска с целью выявления ущерба от интервенции

. Николай Николаевич Померанцев. Фотография 1926 г.

войск Антанты. Среди участников экспедиции были архитекторы П.Д. Барановский и И.В. Рыльский, научный сотрудник Н.Н. Померанцев, реставратор Г.О. Чириков и Ф.А. Модоров и другие. Возглавлял экспедицию И.Э. Грабарь.

Древние иконы участники экспедиции находили в самых неожиданных местах. В рабочем дневнике Н.Н. Померанцева есть такая запись: «15 сентября. Вовремя осмотра подцерковья Троицкой церкви села Кривого мною было обращено внимание на лежащие прямо на земле старые иконные доски, покрытые толстым слоем сухой земли, в который от жары зарывались куры, с криком вылетавшие в то время, как я влезал в небольшое квадратное отверстие, через которое можно было попасть в это помещение. В результате просмотра досок удалось найти ... икону с изображением Введения Богоматери во Храм, Хоругвь с изображением Нерукотворного Спаса, икону с изображением Спасителя, сидящего на престоле, икону с изображением Иоанна Богослова в рост, двое царских врат, царские врата с сенью, икону с изображением Св. Христофора. Ввиду плохого состояния левкаса и живописи было произведено их срочное укрепление»⁵. В настоящее время все памятники, найденные Н.Н. Померанцевым 15 сентября 1920 г., хранятся в Русском музее и Третьяковской галерее.

В начале 1920-х гг. Н.Н. Померанцев начинает собирать свой архив. Интересы Николая Николаевича не ограничивались материальной культурой, он также любил и музыку,

причем не только тонко воспринимая, но и испытывая страстное желание сочинять ее. В 1918 г. он начинает посещать курсы профессора А.А. Ильинского, затем поступает в консерваторию (класс композиции), берет частные уроки у А.Т. Гречанинова. Однако из-за большой загруженности основной работой в 1923 г. он вынужден оставить консерваторию.

С 1920 по 1930 г. Николай Николаевич работал заведующим отделом «Памятники Кремля» и хранителем ценностей Оружейной палаты. Контролируя ход реставрационных работ, он сделал ряд научных открытий в области архитектуры, древнерусской живописи и прикладного искусства, создал в Кремле первую экспозицию древнерусской скульптуры. В эти годы Н.Н. Померанцев постоянно выполнял и поручения Музейного отдела — участвовал в описании и вывозе ценностей Соловецкого монастыря⁶, работал экспертом в Гохране, вместе с отцом - Н.С. Померанцевым - проводил экспертную оценку колоколов, вывезенных в 1914 г. с западных территорий России⁷. С начала 1920-х гг. Музейный отдел и его сотрудники начали сталкиваться с двойной моралью тоталитарной системы. Стало очевидным, что цели и задачи Музейного отдела во многом расходятся с реальными, а не декларированными целями и задачами партии и государства: охрана памятников превращалась в разрушение, учет памятников культуры и искусства — в их изъятие.

С 1920 г. в состав комиссий по учету памятников в обязательном порядке вводятся представители местных Советов депутатов по финансовой части. Памятники культуры, особенно раритеты или украшенные драгоценными металлами и камнями, или изготовленные из золота и серебра, безжалостно изымались якобы в Помгол или Национальный музейный фонд, а затем подчас бесследно исчезали и из хранилищ, и из научного оборота.

О методах и результатах деятельности комиссий Помгола и сопротивлении этим действиям сотрудников Музейного отдела мы подробно писали⁸. Этот же вопрос освещает и публикация Т.А. Тутовой⁹ о роли Николая Николаевича в деле спасения соловецких ценностей.

После возвращения в 1920 г. из первой Северной экспедиции И.Э. Грабарь написал уполномоченному по охране памятников северных губерний К.И. Риве: «Се экспедиция обнаружила, что хуже, чем в Архангельской губернии, нигде не обстоит дело музейное и охраны. Об этом все в Москве знают. Снимите с себя этот груз и беритесь за дело серьезно. Я окажу Вам всяческую поддержку»¹⁰. Историю создания Архангельского губернского музея подробно изложил художник М.Н. Мошков, выезжавший в Соловецкий монастырь в 1922 г. В своем отчете он писал: «[Возвращаемся. - Л.К.] в Архангельск и, имея на руках телеграмму от т. Калинина, "что все предметы музейного значения остаются в Губмузее", являемся в Исполком, но нам... передают телеграмму, что "музейные предметы должны быть отправлены в Оружейную палату, так как Архангельск не обладает Губмузеем". Это действительно верно, так как К.И. Рива не сделал ничего, чтобы г. Архангельск имел свой Губмузей.

И так же было бы поступлено со всеми предметами музейного значения, находящимися в Архангельске и окрестных монастырях. И не желая этого, я, П.Д. Барановский и Н.Н. Померанцев начали поиски постоянного помещения, где было бы возможно развернуть Губмузей. Остановились на здании таможни, начальная постройка которой была произведена при царе Алексее Михайловиче, переговорили с заведующим и договорились, что он отдает нам левый угол... из 4-х больших комнат. Нашли лошадь, три дня перевозили имущество музея и разместили: в одной комнате искусство 17 века, в другой - 18 век, одна отдана для хранения, а другая для ежедневной работы. Пригласили Исполком, который осмотрел и нашел, что теперь... есть в Архангельске Губмузей, который может хранить и принимать предметы музейного значения. ... Исполком выразил желание видеть в Губмузее хранителя Ю.М. Сибирцева, что было и нашим желанием»¹¹.

Работа сотрудников Музейного отдела Н.Н. Померанцева, П.Д. Барановского и М.Н. Мошкова на Соловках и в других монастырях Архангельской губернии показала, что в

Перетоминском монастыре, в женском Успенском монастыре в Холмогорах уже действуют лагеря политзаключенных, а сами монастыри разграблены и разорены, как и Соловецкий, несмотря на специальное примечание в декретах и инструкциях, требующее от местных властей особого отношения к усадьбам историко-бытового значения и монастырям, а также их художественным собраниям. Это обстоятельство побудило Н.Н. Померанцева в 1923 г. предложить план создания целой сети музеев-монастырей — архитектурных, исторических, историко-художественных, историко-бытовых и других. Время убедительно доказало, что наименьшим разрушениям и переделкам в годы советской власти подверглись именно те монастыри, где располагались музеи и другие учреждения культуры, а не механические мастерские, лагеря политзаключенных или колонии малолетних преступников.

Летом 1923 г. Музейным отделом Главнауки была создана специальная комиссия для проведения переписи и полного обследования всех церквей, соборов, часовен и хозяйственных построек Соловецкого монастыря, а также всех островных памятников- "а Соловках П.Д. Барановский занимался архитектурными памятниками, •п. Померанцев - поисками древних произведений искусства. Девятнадцатого сентября 1923 г. в «Известиях» была напечатана небольшая заметка: «...недавно была наряжена экспедиция для обследования...ценностей бывшего. Соловецкого монастыря, которой обнаружены ценности мирового музейного значения. Всего привезено в Москву около 180 пудов этих ценностей и на них в скором времени будет организована выставка. Все эти... предметы были обнаружены в скитах, кладовых и других заброшенных помещениях... Среди предметов имеются ценности, относящиеся к 15, 16 и 17 вв. Там имеется деревянная скульптура эпохи Ивана Грозного, памятники древнерусской живописи и шитья». По возвращении в Москву с Соловков Н.Н. Померанцев создал в малой ризнице бывшего Чудова монастыря постоянную экспозицию соловецких ценностей.

Осенью 1927 г. в Москву поступило сообщение, что в деревне Большой Каменец Большесолдатской волости Льговского уезда Курской губернии учениками школы 1 ступени Ефимом Ефремовым и Никитой Комовым найдены золотое кольцо-обруч с коронкой весом 1450 г и золотая цепь длиной 2 522 мм.

В начале 1928 г. Николай Николаевич выехал в Курск для проведения экспертизы найденного клада. Вьедливость, кропотливость, добросовестность, характер истинного «поисковика» и исследователя не позволили ему ограничиться лишь описанием и экспертной оценкой клада. Он требует выезда на место и находит серебряный сосуд IV в., золотой готский браслет и другие ценности. А уже весной 1928 г. на р. Судже планомерно начала работать археологическая экспедиция под руководством профессора Московского университета В.А. Городцова. Участником этой экспедиции был и Николай Николаевич. Готский клад вошел в собрание Оружейной палаты Московского Кремля. В 1925 г. в сборнике Оружейной палаты публикуется первая статья Н.Н. Померанцева «Финифть усольского дела», а в 1929 г. в журнале «Московский краевед» вышла его публикация о монастырях Московской области¹².

Вполне позитивные результаты работы Н.Н. Померанцева не могли притупить его боли от разрушений памятников и изъятий ценностей, не обошедших даже такую национальную святыню, как Московский Кремль, собрание которого формировалось веками и имело мировое значение¹³. Естественно, Николай Николаевич не только по долгу службы, но и по зову сердца пытался бороться против этого. Ходил по инстанциям, «стучался во все двери», писал А.В. Луначарскому, но изменить ситуацию был бессилён.

«Резной крест 1665 года, 4 августа. Внизу надпись: «...вырезан сий крест в Соловецком монастыре при архимандрите Варфаламеи». Святые в первом ряду: Св. Николай Чудотвор. Филипп Митрополит, преп. Сергей, Михаил (Клопский); во втором ряду: Зосима, Савватий. Крест найден мной в скиту Соловецких островов и вывезен в 1923 году в Оружейную палату в Кремль». Фотосъемка и аннотация Н.Н. Померанцева. 1923

Как известно, в конце 1920-х гг. партия и советское правительство провозглашают «политику развернутого наступления социализма». В 1930 г. объявляют о на чале «культурной революции». Поскольку в понятие культуры входят не только материальные ценности, но и сфера духовной жизни человека, литература и искусств все больше и больше политизируются. Выходит в свет «Постановление о перестройке литературно-художественных организаций», в документах об охране памятников на первое место встают памятники революции и труда и выдвигается задач «переоценки памятников культуры... с классово-политической точки зрения», а их охраны - «сочетании с задачами социалистического строительства»: «социалистическая реконструкция страны неминуемо ведет к коренному изменению общего облика городов, усиливая черты индустриально-социалистической эпохи, стирая исторические виды городов дореволюционной эпохи»¹⁴. По всей стране начинается планомерное уничтожение памятников архитектуры и старины и воплощение в жизни генеральных планов реконструкции городов. Документы о разрушении Чудова (Алексеевского Архангело-Михайловского) и Вознесенского монастырей, а также церкви Константина и Елены в Московском Кремле бережно сохранил для истории Н.Н. Померанцев. Вот что рассказывают документы о разрушении Чудова монастыря:

«19 августа [1929 года. - Л.К.] Решили [с Д.П. Суховым. - Л.К.] написать смету по фотофиксации памятников.

20. Были у Лядова [председатель Главнауки. - Л.К.] со сметой и получили полный отказ... Вызвал фотографа и снимал с ним иконостасы... Были в Рев. Воен. Совете у Зиновьева и просили об отпуске денег для фиксации и переносе главного иконостаса...

ГПУ приступили к сломке иконостасов в ц. Михаила Малеина.

РВС... настаивает на быстрой разборке иконостаса и гробниц, т.к. им необходимо приступить к подрывным работам... Юкин приступил к открытиям фресок в соборе

Чудова - в нише.

В 8 часов я и Гусев снимали с крыши ГУМа последний раз Кремлевский пейзаж. В конце дня приступили к уничтожению надгробий. По удалении с гробницы - Л.К. Натальи Кирилловны обнаружилась доска с летописью на уровне старого пола... Удивительная сохранность фресок в соборе Чудова монастыря. Говорил с Грабарем и просил зайти для осмотра фресок»¹⁵.

Двадцать пятого ноября 1929 г. в Кремль поступает телефонограмма, что «по Распоряжению тов. Бубнова следует воздержаться от вывоза вещей из собора б. Чудова монастыря»¹⁶. «13 декабря 1929 г. комиссия специалистов осмотрела фрески и приняла решение с 14 декабря приступить к их снятию для музеев СССР»¹⁷.

А уже 18 декабря Н.Н. Померанцев писал директору Оружейной палаты: «Довожу до Вашего сведения, что утром 17 декабря был произведен взрыв собора Михайла в б. Чудовом монастыре без всякого предупреждения... 16 декабря мастерами ЦГРМ были сняты две фрески и положены на леса. 17-го утром они должны были быть перенесены в ЦГРМ... Фрески уничтожены взрывом..., в настоящее время мы не имеем ни одного образца...»¹⁸.

Деятели культуры забрасывали власти письмами с обоснованиями необходимости сохранения того или иного памятника¹⁹, выступали с призывами к общественности и даже прибегали к «сидячим протестам» на ступенях зданий, предназначенных на снос. Власти на это ответили арестами. В 1931 г. Н.Н. Померанцев вернулся на работу в ЦГРМ, а в 1932 г. был назначен к тому же ученым секретарем межведомственного комитета по охране памятников культуры при Президиуме ВЦИК СССР. Пятого марта 1934 г. за активное выражение несогласия с генеральным планом реконструкции Москвы, предполагающим снос таких памятников, как Сухаревская башня, Красные ворота, Триумфальная арка в честь 1812 года, и ряда храмов Н.Н. Померанцев, в числе многих деятелей культуры, был арестован и осужден на три года ссылки с отбыванием ее в маленьком северном городке Вельске и последующим запрещением проживания в Москве и Московской области.

Административно-высланный Н.Н. Померанцев, не имея ни малейшей возможности найти работу по специальности, искал способы применения своих способностей, опыта и знаний на другом поприще. Пригодились занятия в консерватории. Николай Николаевич сначала поступил на должность руководителя оркестра народных инструментов в Дом социалистической культуры, работал над репертуаром, организовал занятия по нотной грамоте, делал оркестровки. Но в сентябре 1934 г. по неизвестным нам причинам Вельское ОГПУ запретило ему продолжать работу с оркестром. В октябре 1934 г. Н.Н. Померанцеву, образованному и эрудированному человеку, исследователю, уже совершившему ряд открытий в области материальной культуры, удается получить временную сезонную работу поденного рабочего по посадке деревьев и уборке дорожек в Вельском городском парке. Но деятельный характер заставил его разработать и предложить властям города целую программу озеленения города, разбивки клумб и цветников, которая была принята и начала осуществляться силами самого Н.Н. Померанцева, двух его помощников, а затем и школьников Вельска. В феврале 1935 г. Николай Николаевич устраивается также на должность музыкального работника в детский сад № 2, где он и проработал до конца ссылки. В 1937 г. Н.Н. Померанцев покинул Вельск с официальными благодарностями и сделанным им самим на память альбомом фотографий, на страницах которого соседствуют виды Вельска 1934 и 1937 гг. - последние с цветниками и клумбами.

Здесь следует сделать некоторое отступление. В 1922 г. Николай Николаевич женился на Раисе Николаевне Котович, талантливой художнице, ученице К.С. Петрова-Водкина, и был очень счастлив. Но жизнь сурова: рождение ребенка обернулось трагедией. Раиса Николаевна умерла родами. Николай Николаевич потерял любимую жену и друга, оставшись вдовцом с маленькой дочкой Раей.

Более десяти лет он не решался жениться. О его втором неудачном браке практически

ничего неизвестно. Ни в автобиографиях, ни в анкетах в последующие годы Н.Н. Померанцев о нем не упоминает. Известно лишь, что вторую жену звали Нина, что она уничтожила архив Николая Николаевича после его ареста и, скорее всего, отказавшись от него, получила развод. Об этой семейной эпопее Николая Николаевича неоднократно рассказывала Наталья Николаевна Померанцева, нынешняя хранительница истории и преданий семьи Померанцевых. Спустя тридцать лет после отъезда из Вельска, во время одной из его многочисленных командировок в гостинице к Н.Н. Померанцеву подошла женщина лет пятидесяти и, спросила: «Николай Николаевич, вы меня не узнаете? Мы с^о знакомы!» Он узнал ее, и они долго, долго, долго разговаривали. Из этой командировки Николай Николаевич вернулся домой необычайно счастливым и озаренным: «я встретил ту, которую давно полюбил, но жизнь развела, я женюсь!» И он поведал близким такую историю. Этой женщиной была Галина Евгеньевна Митрофанова, а встретился с ней сорокатрехлетний Николай Николаевич еще в Вельске. Встретился и полюбил, но не признался ей. Какое будущее мог предложить молодой девушке немолодой, не очень здоровый, административно-высланный человек, да и было ли у него будущее - надвигался 1937 год. Все это и сказал Николай Николаевич Галине Евгеньевне во время того длинного говора в номере гостиницы и услышал в ответ: «Да как же вы не поняли тогда, что я бы за вами на край света пошла! Сколько же лет мы потеряли». Они поженились и счастливо прожили около двадцати лет. Думал ли когда-нибудь Николай Николаевич, что именно Вельск подарит ему большую настоящую любовь. Много раз потом разговаривали они с женой о Вельске, и, вспоминая о посаженных им деревьях, разбитых цветниках и клумбах, Николай Николаевич часто повторял: «А ведь тогда в Вельске цветы спасли мне жизнь!» Но все это будет много лет спустя. А тогда, в 1937 г. запрет на проживание бывшего ссыльного Померанцева в Москве привел его в Зарайск, где он преподавал физику в педучилище и руководил внешкольной работой в средней школе.

В Зарайске он прожил до февраля 1941 г., когда изменение административных границ переводит этот городок в пределы Московской области, на которую распространяется запрет на проживание там бывшего административно-высланного. Н.Н. Померанцев переезжает в Калугу, где устраивается на работу преподавателем физики в школу № 9. Вскоре началась война, и Калуга попала под фашистскую оккупацию, к счастью, ненадолго. В июле 1942 г. Н.Н. Померанцеву впервые за многие годы удается вернуться к любимому делу. Сначала он работал в Калужском художественном музее, где разбирал коллекцию, вернувшуюся из эвакуации, одновременно собирая материалы по историческим архитектурным памятникам города, а с 1944 г. - инспектором по охране памятников Калуги и Калужской области: работал по перепланировке города, пострадавшего от бомбардировок, пытаясь максимально сохранить исторические памятники, изучал историю и искусство калужской земли, организовывал выставки.

В 1947 г. Н.Н. Померанцев вернулся в Москву и, скорее всего по инициативе И.Э. Грабаря, был назначен Главным инспектором комиссии по охране памятников Комитета по делам искусств СССР. В этот период Николай Николаевич много ездил по стране, проводил обследования монастырей, памятников гражданской и Церковной архитектуры, музейных собраний в России (Пскове, Новгороде, Смоленске, Сольвычегодске, Устюжне, Моршанске, Юрьеве-Польском и других городах), Белоруссии, Эстонии, возглавлял комиссии по реставрационным работам, начал составление Государственного списка памятников монументальной скульптуры (первая паспортизация памятников в СССР). Н.Н. Померанцев обладал удивительным даром предвидения интересных научных открытий, что подтверждалось Не Раз и в последующие годы. А в 1948 г., контролируя проведение реставрационных Работ в московском Новоспасском монастыре, он высказал предположение о наличии замурованной галереи. И действительно, реставраторами была раскрыта галерея с монументальными росписями, выполненными царским изографом Ф.Е. Зубовым в 1688 г.

В 1944 г. И.Э. Грабарь возобновляет деятельность государственных реставрационных мастерских (ГЦХНРМ, а с 1974 г. - ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря), закрытых властями в 1934 г. Сюда и вернулся Николай Николаевич в 1953 г. и работал здесь до своей кончины. В 1956 г. сбылась его давняя мечта - в мастерских создается и начинает работать под руководством Н.Н. Померанцева отдел реставрации деревянной скульптуры. Но администрирование никогда не привлекало его. Он стал научно-методическим руководителем своего любимого отдела, внимательно следил за творческим ростом своих воспитанников-реставраторов, продолжал участвовать в работе многочисленных научных комиссий и методических и ученых советов музеев и других организаций культуры. Этот период его жизни был необычайно плодотворным.

Удивительно азартный и жадный до работы, несмотря на свои почти семьдесят лет, Померанцев решил в 1958 г. возобновить экспедиционную работу, которую проводили грабаревские реставрационные мастерские в 1918-1929 гг.

Первую свою экспедицию, в 1958 г., он организовал на Русский Север. Еще Северная экспедиция ЦРМ 1920 г. показала, как богаты эти земли памятниками древнерусского искусства. Надежды на богатство Русского Севера полностью оправдались: «Осуществление Онежской экспедиции свидетельствует о том, что начато большое дело, неотлагательно требующее своего дальнейшего продолжения. «Забирайте все, что хотите, но ни техники, ни рабочих я Вам не дам!»-Пожалуйста,«походил по "навалам", кое-что сфотографировал, снял кальки.»²⁰. К каждой экспедиции Н.Н. Померанцев тщательно готовился: изучал архивные и литературные источники по истории района экспедиции, прорабатывал маршруты и способы передвижения, собирал фотографические и изобразительные материалы. В ходе экспедиций он не только вел записи, дневники, рабочие тетради, но и много фотографировал. Всего Н.Н. Померанцев организовал и возглавил шестнадцать поисково-обследовательских экспедиций: четыре Онежских (1958, 1962, 1967, 1971); три Псковских (1961, 1963, 1964); три Вологодских (1963, 1965, 1966); три Северных: Архангельская область, Беломорье, реки Онега, Пинега, Северная Двина (1968, 1969, 1972); Вычегодскую: реки Вычегда и Лена (1966); по Новгородской (1963) и Горьковской (1970) областям. Редчайшие древние памятники участники экспедиций находили подчас в самых невероятных местах, в почти полностью разрушенных деревянных церковных зданиях - на полу в птичьем помете, под полом алтаря, в подцерковье, в сараях (ил. 8-9)²¹. Вот рассказ об одной из таких находок: «...на полу, на карнизах иконостаса, на иконах скопилось колоссальное количество гниющего помета... В алтаре отверстия в полу были забиты тремя большими иконами XVI в. <...> Когда были отбиты эти иконы, оказалось, что в подпольном помещении глубиной свыше 3,5 метров свалены старинные иконы, детали резного иконостаса слюдяной фонарь и другие предметы музейного значения»²². Такую картину внутри обнаружил реставратор церкви-Н. Трофимов, нашедший иконы во время IV Онежской экспедиции в Преображенской церкви села Турчасово, стоявшей на государственном учете как памятник - архитектуры, но использовавшейся как зернохранилище. Экспедициями Померанцева были найдены сотни первоклассных предметов древнерусского искусства, вошедших в собрания крупнейших музеев, обследованы и описаны тысячи архитектурных памятников, икон, древнерусских скульптур, образцов декоративной деревянной резьбы, металлического литья и ткачества. По материалам этих экспедиций были проведены выставки, подготовлены и изданы каталоги и альбомы, сделаны серьезные научные открытия, подготовлены специальные публикации, проведена каталогизация произведений древнерусской скульптуры.

В 1962 г. Н.Н. Померанцеву было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР. Весной 1963 г. Н.Н. Померанцев был приглашен экспертом-консультантом на запись ростовских звонов. Здесь следует сделать еще одно отступление. Колокола были давней любовью Николая Николаевича, ведь колокола, всегда бывшие отличительным символом России, являются не только уникальными музыкальными инструментами (с их

удивительным звучанием с многочисленными оттенками и разнообразием звонов), но и прекрасными произведениями искусства (с поясами растительного фриза, разнообразными орнаментами, гербами, барельефами святых, орнаментацией историческими текстами, авторскими клеймами). В архиве ученого сохранились его еще гимназические записи об истории и технологии литья — о сплавах, замерах, соотношениях весов колоколов и языков, о ладе колоколов и их настройке. Позже в этой коллекции появились и нотные записи разных звонов. Поэтому уже упоминавшееся приглашение И.Э. Грабарем отца и сына Померанцевых для экспертной оценки колоколов в 1920-е гг. было совсем не случайным.

В архиве Николая Николаевича помимо многочисленных материалов, связанных с историей проведения записи «Ростовских звонов» (переписка с Марией Николаевной Тюниной, ростовской учительницей, краеведом и инициатором возрождения Ростовских звонов, письма старейшего ростовского звонаря А. С. Бутылина, варианты авторского текста и сопроводительной статьи Н.Н. Померанцева к пластинке «Ростовские звоны», выпущенной в 1966 г.), есть две замечательные записи. Обе относятся ко времени его работы в Кремле. Любопытный посетитель Кремля, подойдя сейчас к знаменитому Царь-колоколу, увидит его естественную металлическую поверхность. То же можно увидеть на старых открытках или фотографиях Царь-колокола. Однако с 1941 г. по 1965 г. было иначе: ежегодно поверхность Царь-колокола покрывали черной краской. В связи с этим особый интерес представляет запись Николая Николаевича: «За время моей работы в Кремле заведующим "Памятниками Кремля" комендант Кремля Петерсон неоднократно замахивался на Царь-колокол, говоря, что его можно отлить из бетона: "Все равно разбит и не звонит. А видимость будет такая же, покрасили бы черной краской, вот и все!" И не отсюда ли пошла традиция, покрывать краской Царь-колокол ежегодно к Первомайским праздникам»²³.

И другая, совсем не юмористическая запись, сделанная Николаем Николаевичем в декабре 1929 г. (время изъятий на металл колоколов, коллекций старинных орудий, памятников «царским особам и их приспешникам»): «Случайно узнал, что на завод "Серп и молот" свезено много колоколов. Взял фотоаппарат и срочно поехал туда. Весь заводской двор заполнен колоколами, сваленными "навалом". Пошел к директору и объяснил, что здесь находятся редчайшие колокола, представляющие огромную историческую, культурную и музейную ценность».

Запись звонов все-таки состоялась 15-16 марта 1963 г., но оказалась не очень качественной: звонарям не дали потренироваться, было очень холодно, возникли технические помехи — скрипы несмазанных металлических креплений. Но тем не менее именно эти записи впоследствии были переписаны на пластинку при активном содействии и помощи Николая Николаевича Померанцева. А о знаменитой Ростовской звоннице Н.Н. Померанцев написал: «Радостный мажорный аккорд является характерной особенностью Ростовского звона и свидетельствует о том, что мастера создали редчайший музыкальный инструмент, каких не знает мировая культура. "Сысой", отлитый мастером Флором Терентьевым, дает ноту "ДО" Большой октавы, два другие большие колокола - "Полиелей" и "Лебедь", отлитые Филиппом Андреевым с сыном, дают ноты "МИ" и "СОЛЬ" Большой октавы и составляют с "Большим Сысом" мажорное трезвучие. Грандиозно по замыслу и просто в средствах осуществления! Созвучно восторженной песне!»²⁵

В августе 1964 г. по инициативе Н.Н. Померанцева в Москве была проведена выставка «Русская деревянная скульптура и декоративная резьба» (ил. 10). В начале 1965 г. выставка «переехала» в Государственный Русский музей, причем ее экспозиция была значительно расширена. «Для данной выставки мною были обследованы огромные фонды самого Русского музея, Эрмитажа, Академии художеств, Музея истории религии Академии Наук СССР, Государственного Военно-Морского музея и Института им. В.И. Мухомовой. К произведениям, показанным в Москве, были добавлены ленинградские

экспонаты», - вспоминал впоследствии Н.Н. Померанцев²⁶. «Самые крупные в научном плане открытия, связанные с памятниками искусства, совершаются в процессе их реставрации», - писал Николай Николаевич. И самые крупные открытия только подтверждают этот тезис. В 1967 г. вышел в свет авторский альбом «Русская деревянная скульптура», куда вошли публикации многочисленных памятников, найденных и атрибутированных им в процессе их реставрации мастерами – реставраторами ВХНРЦ²⁷. В 1968 г. Николай Николаевич был назначен председателем Комиссии и научным консультантом по реконструкции Реставрации Большого Кремлевского Дворца. То была колоссальная работа, продолжавшаяся до 1980 г. Реставрация проходила одновременно на всех памятниках, Соборах Церквях, Теремном дворце, Грановитой и Золотой Царицыной десятки провел Николай Николаевич в архивах и библиотеках, разыскивая архивные и литературные источники по истории, строительству и перестройкам Кремля и его памятников, предназначению различных его помещений, их интерьерам, отделке и украшению предметами прикладного искусства, расположению окон и дверей... В процессе этой работы исследователь пользовался данными, собранными им во время работы заведующим «Памятниками Кремля». Тезис о научных открытиях в процессе реставрации подтвердился вновь. Научные изыскания и интуиция ученого позволили вернуть многим памятникам Кремля их первоначальный вид: были открыты порталы, замурованные лестницы, дверные и оконные проемы, резной белокаменный столб с барельефами в Грановитой палате, определена философская концепция росписей и раскрыта авторская живопись XVII в. в Золотой Царицыной палате. Восемнадцатого декабря 1974 г. за научные открытия и руководство реставрационными работами в Грановитой палате Н.Н. Померанцеву была присуждена Государственная премия РСФСР. К сожалению, долгая, насыщенная и богатая научными открытиями жизнь Николая Николаевича не нашла своего полного отражения в его публикациях. Опубликованных работ у Н.Н. Померанцева чрезвычайно мало: помимо вышеназванного авторского альбома по древнерусской скульптуре, раздел в «Истории русского искусства»²⁸, вступительные статьи к разделам скульптуры в каталогах отчетных выставок ВХНРЦ²⁹, немногочисленные статьи в научных сборниках³⁰, и ряд журнально-газетных публикаций в популярных изданиях. Зато эта долгая и плодотворная жизнь Николая Николаевича нашла свое отражение в документах его личного архива, хранящегося теперь в ВХНРЦ, и мы будем знать о его творческом наследии³¹